

НОЯБРЬ-86

Пьеса состоит из документальных текстов: это интервью, взятые осенью 2019 года у Надежды Георгиевны Буровой, Евгения Анатольевича Попова, Виктора Владимировича Ерофеева и Георгия Андреевича Пригова. Пьеса содержит тексты Дмитрия Александровича Пригова из цикла «Обращение к гражданам» и его стихи. А также стихи Георгия Андреевича Пригова.

НАДЯ – 42

ЖЕНЯ - 40

ВИТЯ – 39

АЛЕНИКОВ – 38

ГЕОРГИЙ - 20

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ – любого возраста, но лучше 46

А также другие действующие лица.

НАДЯ. Родственники были очень рады, когда через сорок лет папа объявился. Последний раз они его видели подростком, а потом революция, он – кадет, спасается из Петрограда, едет домой, на восток, в Ташкент, но его снимают с поезда и мобилизуют в белую армию. Через какое-то время стало понятно, что белая армия эту войну проиграла. Их уничтожали. За попытку бегства папу расстреляли. Но он выжил и оказался в Китае. И вот там-то провёл свою жизнь, женился, родилась я. А потом в Китай пришли коммунисты и конфисковали папин антикварный магазин, дом, новенький чёрный кадиллак, да и вообще всё. А потом я захотела увидеть эту загадочную Россию – ту Россию, по которой он так тосковал. И поехала в Ташкент, а за мной он с мамой.

Папина сестра устроила приём в своём крошечном домике, пришли все Буровы: сыновья и дочери Аполлона Бурова – генерал-лейтенанта, Командующего первой стрелковой запасной бригадой. Мои дяди, тёти, кузины и кузены, племянники и племянницы. Папа был очень взволнован. Такой красивый, молодой, спортивный мужчина, и при этом нежный и ранимый.

Мы обедаем, взрослые пьют вино, потом мы идём гулять по Ташкенту, такие счастливые и весёлые. Подходим к тому дому, где прошло их детство – папы и всех его сестёр и братьев. Папа смотрит сквозь ограду на сад. «Там, вот там я сидел на ветке и читал «Тома Сойера»! Я точно помню, на том дереве, вон на той ветке, вторая снизу, в сторону забора, видишь, Надя?» Он протягивает руку, показывает дерево, а потом падает и умирает. Сердце. Я впадаю в летаргию и сплю четверо суток.

В 1986 году я узнала, что у меня рак груди. Надо было ложиться на операцию – я сумела найти место в знаменитом онкологическом центре на Каширке. Но делать операцию и отнимать грудь было страшно, я тянула время. И вот наступил ноябрь. Операция была назначена на двадцать

шестое, нужно было только собрать вещи и явиться. Нужны были мелкие деньги, чтобы раздавать их нянечкам и медсёстрам, в надежде на их заботу и внимание. Но денег не было, они как-то быстро разлетались. Дима обещал забежать в свой союз скульпторов, взять какие-то деньги оттуда, я пришла с работы и ждала его, собирала сумку в больницу. И тут зазвонил телефон.

НАДЯ. Да.

МЕДСЕСТРА. Квартира Приговых?

НАДЯ. Что? Говорите громче.

МЕДСЕСТРА. Квартира Приговых?

НАДЯ. Совершенно верно, вам кого?

МЕДСЕСТРА. Я не могу говорить. Вашего мужа привезли в психиатрическую больницу номер пятнадцать.

НАДЯ. Что? Куда?

МЕДСЕСТРА. Вы знаете, на вашем месте я бы приехала поскорее.

НАДЯ. И она повесила трубку. Я ничего не успела спросить. И не успела испугаться. Я сразу позвонила Поповым.

НАДЯ. Света! Света! Диму положили в психиатрическую больницу номер пятнадцать. Сейчас оттуда кто-то позвонил.

ПОПОВА. Надя, поезжай.

НАДЯ. Но... Мне самой сегодня в больницу лечиться. Завтра операция.

ПОПОВА. Ты что, не знаешь, что такое пятнадцатая больница – это же КГБ-шная больница. Сейчас приедет Женя.

НАДЯ. И она положила трубку. Я тут же позвонила Вите, мы сговорились ехать туда все вместе. Я сразу вспомнила, как всегда не везло Диме, с самого детства. Война, Украина, немец летит на самолёте низко-низко и обстреливает всё, что внизу, а там бежит Димины мама, с ней полуторагодовалые дети – Дима и его сестра Марина. Он издевается над ними, пугает, нависает с неба. И даже потом, в эвакуации - как легко Дима мог погибнуть. Мама с ними-малышами оказалась в Свердловске, и она, блестящая пианистка, ученица Генриха Нейгауза, работала на оборонном заводе, обморозила руки, и потом не смогла уже серьёзно заниматься музыкой. Как их поселили у какой-то старушки, старой-старой и больной, и она малышей оставляла в её постели, чтобы они все трое грелись друг от друга. Татьяна Александровна говорила, что ей давали в день два кусочка хлеба – и надо было кормить этим детей и бабушку. И она злилась на Диму, что он не ел – Марина просто схватывала, зубов у них ещё не было, а Дима выплёвывал, и она его ударила по щеке. Он такой маленький был. Однажды она пришла, а старушка мёртвая, холодная, и дети почти замёрзли насмерть. Приехали врачи осмотреть тело, заодно посмотрели на Диму - а у него дистрофия. «Что же вы, он же может погибнуть в любой момент». Забрали его в больницу, а она с Мариной осталась. И он лежал там совсем один, такой маленький ребёнок.

Приехал Женя, машина такая - голубая, маленькая. Было безумно холодно, почему-то не работала печка. И вот мы приехали в эту больницу на Каширке – через шоссе стоит мой онкологический центр, так совпало.

Большие железные ворота, ограда, всё закрыто – мы почему-то подъехали не с той стороны. Я сняла пальто и пролезла через прутья этой ограды, Женя остался – наверное, стал искать вход.

Я видела чётко: два здания, на одном огоньков светилось больше, пошла туда. В холле был человек, как мне показалось армянского типа, красивый, нестарый, он натягивал дорогушную дублёнку.

ДИРЕКТОР. Вы что тут делаете?

НАДЯ. Я пришла забрать своего мужа.

ДИРЕКТОР. Почему?

НАДЯ. Потому что его привезли сюда по ошибке.

ДИРЕКТОР. Это что, Пригов что ли?

НАДЯ. Да.

ДИРЕКТОР. А у нас для вас тоже место найдется. Хотите остаться?

НАДЯ. Вы знаете, я завтра перевожу на конгрессе, и я скажу товарищу Горбачеву, как вы себя ведете, как вы позволяете себя вести.

ДИРЕКТОР. Кому-кому?

НАДЯ. Горбачеву.

ДИРЕКТОР. А выше не хотите?

НАДЯ. Хочу и выше.

ДИРЕКТОР. А сейчас пока пройдите вон в тот кабинет.

НАДЯ. Он напялил норковую шапку и ушёл. Я действительно была переводчиком-синхронистом на партийных съездах, и могла что-то попросить у Горбачёва. Например, таким образом позже мы добились загранпаспорта для Димы. Обычным образом паспорт ему не давали. Так вот, иду в кабинет, там женщина-доктор, которая стала со мной говорить точно так же. Те же слова: «А что это вы, девушка? Вы устраиваться к нам пришли? У нас для вас местечко найдётся. У нас зря не привозят». Я ей сказала: «Всё, что вы сейчас говорите, я записываю на диктофон. И передам кому следует». И достала диктофон, который был, слава богу, со мной, я работала с ним в издательстве. Она помолчала, потом взяла трубку, что-то сказала кому-то. И отправила меня в другое здание.

Дима много лет просыпался среди ночи весь в поту – ему снился один и тот же сон. Как будто через него прыгают крупные олигофрены. Это было воспоминание, они и правда прыгали. В сорок четвертом, в поезде, он заразился полиомиелитом. Пандемия – ну, вы знаете, да? Во всём мире болели, Рузвельт даже. Диму парализовало, его забрали в детский санаторий в Крым. Полпалаты – парализованные дети, а полпалаты те, у кого от полиомиелита пострадал мозг, и они стали умственно неполноценными. И через беспомощного Диму прыгал вот такой мальчик, очень крупный, он мог раздавить его.

Я подошла, там было окошечко, и в окошечке глаз. Тут пришел Витя Ерофеев. Дверь немножко приоткрылась, Витя всунул ногу, и женщина там не могла нас не впустить. Мы вошли, он остался с ней разговаривать, а я увидела Диму, быстро подошла к нему, сунула пачку сигарет: «Напиши какое-нибудь обращение». И он написал: «Сегодня в пять часов вечера я был остановлен на улице Миклухо-Маклая двумя мужчинами в штатском,

отвезен сначала в милицию, потом в КГБ, общественного порядка не нарушал». А потом ему нужно было идти, он больше не мог со мной говорить.

Я позвонила ещё кому-то, новость о задержании Димы быстро распространилась. Дальше всю ночь по радио это передавали – Дойче Велле, Войс оф Америка и прочие. По Голосу Америки сказали: «Prigov's arrest is going to be an acid test for president Gorbachev». Арест Пригова – это лакмусовая бумажка для президента Горбачёва. Думаю, это и сыграло свою роль.

На другой день я пришла туда рано очень, часов в 8 утра. Потом приехали наши друзья – Женя, Витя, Бэлла Ахмадулина, ещё кто-то, не помню. Врачи якобы созвали консилиум. Хотя и конец системы, но ошмётки ещё функционировали. Консилиум длился несколько часов, после чего Диму отпустили. Мы вышли из здания, стояло человек тридцать людей, которые пришли протестовать против того, что Пригова поместили в психиатрическую больницу, там были в том числе мои студенты - я же вела Английский театр в МГУ, Дима был режиссёром. Мы уехали домой. Через какое-то время я легла на операцию, ну это уже совсем другая история.

ЖЕНЯ. Это был 1986 год, так, непонятно было, чем всё закончится, но уже свободой повеяло. Хотя за книжечки ещё сажали. Меня тоже могли посадить, так, но у меня с 1983 года была жена, Света, она бы мне носила передачи.

Мы с Димой дружили с 1979 года, когда стали делать альманах «Каталог». За это и он, и я получили от КГБ-шников так называемые Предупреждения. Там было: «Комитет КГБ по Москве и МО предупреждает гражданина, что он находится на пути совершения преступления». То есть, он ещё не преступник, но уже на пути. «1. Постоянно поддерживает связь с отщепенцем Аксёновым...». А Аксёнова в это время уже лишили гражданства. «... и согласует с ним свои антиобщественные планы. 2. Постоянно поставляет клеветническую информацию западным корреспондентам. 3. Создал ряд произведений, близких к клеветническим, с элементами цинизма и порнографии». Близких к клеветническим, вы поняли? Короче, такое Предупреждение передается по месту жительства в прокуратуру. Это гласный надзор, раньше так называлось.

Но всё это было немного раньше, а в 1986 году я писал прозу, пил портвейн, времени много было. Ходил на читки, андеграундные мероприятия - энтузиасты устраивали. И Пригов там читал – это были квартиры или библиотеки, часто на окраине. Соседи, конечно, стучали. Бывали облавы – проверка документов. И мы показывали документы. Постепенно нас стал печатать – как раз в ноябре 1986, так, у меня напечатали один коротенький рассказ в журнале «Юность». Первый раз в жизни со мной такое случилось, хотя в Америке меня печатали уже пять лет.

И вот 1986 год, так, ноябрь. Мы с Ерофеевым собрались выпить водки. Сделали закуски, налили по рюмке, и в это время звонит рыдающая Надя - Диму забрали в психушку, так.

НАДЯ. Чтобы я да рыдала? Никогда такого не было. Посмотрите на меня.

ЖЕНЯ. Нам это, значит, сильно не понравилось, потому что выпить охота, понимаете.

ВИТЯ. Мы не пили, конечно.

ЖЕНЯ. Больница эта у чёрта на куличках, так. Машина моя Запорожец была без печки, холодина жуткая. Вот, значит, погрузились в машину, молча поехали. Я не помню, по-моему, Нади с нами не было.

НАДЯ. Как это не было?

ЖЕНЯ. Мы ехали оба погруженные в злобное молчание, и Ерофеев сказал...

ВИТЯ. В твоей машине только покойников возить.

ЖЕНЯ. В ответ от меня получил большую порцию мата. Значит, мы приехали в психушку... да, вот ещё что, какая деталь: откуда Надя узнала, что он в психушке. Ей позвонила какая-то медсестра и сказала об этом. Пригов когда приходил ко мне в гости - мы жили рядом - он по дороге развешивал свои «Солнышко светит, говорит вам Дмитрий Алексаныч» и так далее. Здесь же обнаглел, и стал уже в городе развешивать это.

НАДЯ. Пригова задержали в Беляево за деятельность художника - знаменитые «Обращения к гражданам». Он стоял и клеил на столбе, на остановке свои полосочки. Сказали: «Пройдемте», забрали сумку, два часа её смотрели - а там карандаши, записные книжки, «Философия» Бертрана Рассела. Он везде читал, при каждом удобном и неудобном случае. Сначала привезли в милицию, потом в КГБ - «У них тоже к вам вопросы». Держали часа три-четыре, что там делали - непонятно. И отвезли в психушку. Спросили: «Что такое вы делали? Он: «Радовал граждан». Неположено, вот если бы клеил объявление «Кошка пропала» или «Продам гараж», то да. А так - стихи не положено вешать. Солнце светит - это нарушение общественного порядка.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Это была пора большего педалирования иррационализма, сентиментализма, элементов экстатики и эмоциональности. Свои поиски того времени я обозначил как Новая искренность, всеми тогда однозначно понимаемая как оппозиция жестоко отстранённому и структурному письму.

ЖЕНЯ. В общем, явились мы туда, так, главврача уже не было, была лечащий врач, дама такая, мы стали ей петь песни, что, эт самое, известный поэт, новые времена наступают и так далее. Она сказала, что она ничего этого не знает, что у них будет всё по закону, и поскольку его привезли, то были основания для этого, и две недели его будут обследовать. Это нам сильно не понравилось, так. Да, и мимо его провели - и когда его вели, он не нашел ничего лучше как крикнуть: «Гутен Абенд!»

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Граждане! Я люблю вас, и потому я строг, даже чрезмерно иногда.

ЖЕНЯ. Ну, мы уехали. На следующий день взяли силы мощные - с нами поехала Бэлла Ахатовна Ахмадулина, значит так, и режиссер Владимир Алеников, он же писатель. Мы приехали туда, уже был главврач, я даже и не соваля, направили Бэллу Ахатовну. Но она вылетела оттуда буквально через две минуты.

БЭЛЛА. Здравствуйте. Мы пришли узнать про Дмитрия Александровича Пригова...

ВРАЧ. Пригов? Немедленно покиньте мой кабинет.

БЭЛЛА. Но что же вы делаете, он...

ВРАЧ. Что надо, то и делаем! Покиньте мой кабинет!

ЖЕНЯ. Мы были в некой растерянности: если уж Бэллу попёрли, то что нам. Алеников всё это время молчал, а потом молча зашёл. Мы стали смотреть, через сколько минут вылетит он. Пять минут прошло – не вылетает. Ещё пять. Через десять минут он выходит, а за ним семенит врач.

ВРАЧ. Всё будет в порядке.

АЛЕНИКОВ. Вот и хорошо.

ВРАЧ. Всё будет в порядке, гарантирую!

АЛЕНИКОВ. Вот и хорошо, что всё будет в порядке.

ВРАЧ. Ну зачем нам две недели ждать, мы сейчас проведем экспертизу, а потом, скорее всего, если он поэт, то он домой пойдет.

АЛЕНИКОВ. Вот и отлично.

ЖЕНЯ. И прошёл час, сделали эту экспертизу, Пригова, уже переодетого, нам выдали, и мы уехали. Злоба у нас оставалась к Пригову, потому что выпить не удалось.

ВИТЯ. Нет, мы не пили тогда, у всех дела. Конечно, мы не пили.

НАДЯ. У меня вообще онкология была.

ЖЕНЯ. Я потом Аленикова спрашиваю: что вы сказали ему?

АЛЕНИКОВ. Я зашёл в кабинет.

ВРАЧ. Немедленно покиньте мой кабинет, выйдите отсюда!

АЛЕНИКОВ. Я-то отсюда выйду, а ты отсюда вылетишь.

ВРАЧ. Что?

АЛЕНИКОВ. Ты чё щас сделал-то? Ты Бэллу Ахмадулину выгнал из кабинета. Ты дурак совсем? Ты что, не понимаешь, кто такая Ахмадулина? Ты понимаешь, что у нее наверху связи всякие – Филипп Денисович Бобков, заместитель Андропова - она с ним общалась, когда хотели посадить Владимова, так, и она отстояла его.

ВРАЧ. А при чём здесь это?

АЛЕНИКОВ. А при том: ты дурак, тебе привезли поэта, ты его сейчас закроешь, у тебя на размышление десять минут, потому что через десять минут тут будут корреспонденты русские и западные, телевидение.

ВРАЧ. Хм.

АЛЕНИКОВ. А дальше ты уже будешь выбирать, где тебе работать: хочешь - в Тверской области, хочешь - в Тульской работай, но не здесь, тебя прославят на весь мир, и мы постараемся это сделать. Тем более ты не знаешь – Бэлла не прощает такие вещи, чтобы её кто-то выгонял из кабинета.

ВРАЧ. Ну для чего же сразу так решительно делать, давайте придём к компромиссу.

ЖЕНЯ. Вот за это я Аленикова очень уважаю.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Граждане! Ветер ветку тронул сиреневую, и сердце вослед ей дрогнуло ответное - чудо!

ЖЕНЯ. Урожай повысился
Больше будет хлеба
Больше будет времени
Рассуждать про небо
Больше будет времени
Рассуждать про небо
Урожай понизится
Меньше станет хлеба

Их империя развалилась, потому что они идиоты, только идиоты могли развалить страну, где у них всё схвачено. У них много было идиотских поступков. Зачем они поссорились с интеллигенцией? Пять комсомольских писателей (Аксёнов, Войнович, Гладилин, Кузнецов и Владимов) – комсомольских, подчёркиваю, - превратили в отъявленных диссидентов. Идиоты. И старые хрычи.

ВИТЯ. Это история из категории «и смех, и грех». Я тогда работал в Институте мировой литературы – исследовал литературные тексты. И вот вечером мне звонит Надя, вся в слезах – Диму забрали.

НАДЯ. Да не плакала я! Это вообще на меня не похоже!

ВИТЯ. Мы с Поповым поехали в больницу эту, на его Запорожце.

ЖЕНЯ. Печка не работала.

ВИТЯ. Печка не работала почему-то, холод собачий. Не помню, где была Надя.

НАДЯ. Да в этом же Запорожце.

ВИТЯ. Я пошёл к главврачу – это была такая женщина, она что-то такое невнятное говорила. И я ей сказал: “Имейте в виду, времена поменялись, и вся ваша компания будет отвечать”. Тогда она позвонила завотделению, которая стала с ней по селектору ругаться, в советском стиле: мол, рабочий день уже кончился и так далее. Ну, такие советские кричалки, знаете. А потом меня пустили в странный мир психушки. Завотделения оказалась забитая и агрессивная женщина, как все они тогда были.

НАДЯ. Витя всегда был вальяжный, одет по-зарубежному. Красавец.

ВИТЯ. Вы любите стихи Пастернака?

ЖЕНЩИНА. Люблю.

ВИТЯ. Тогда мы с вами договоримся.

ЖЕНЩИНА. О чём?

ВИТЯ. У вас тут сидит великий поэт. Пригов.

ЖЕНЩИНА. Поэт?

ВИТЯ. Поэзия бывает разная.

ЖЕНЩИНА. Хорошо, сейчас его приведут.

ВИТЯ. Он пришёл, очень странно одетый, в пижаме и халате.

НАДЯ. Да-да, в пижаме и халате. Его переодели и положили в палату, в которой было уже человек двадцать, койки были сдвинуты попарно. Привели молодого мальчика, который, по всей видимости, симулировал сумасшествие - отмазывался от армии, он задира на себе пижаму, кричал. И сквозь рубашку санитар вкатил ему что-то, и у мальчика закапала слюна. Диме указали на его место, он лёг, укрылся одеялом, как все. Сосед ему

достался буйный какой-то, он всё время как-то наваливался, а потом встал и помочился на Диму со словами: “Окропляю тебя святой водой, сын мой!”

ВИТЯ. И вдруг он стал кривляться, меня это страшно поразило. Стал говорить, что тут очень хорошо, чудесно – это было абсолютно не к месту. Ну, он, конечно, любил из себя воображать, но тут это выглядело так, будто и в самом деле ему нужно тут оставаться, в психушке.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Граждане! Какие преимущества есть у правой ноги вашей относительно левой вашей!

ЖЕНЩИНА. Ну, вы сами видите, ему тут самое место.

ВИТЯ. Ну, поэты играют разные роли, сейчас он играет роль вашего пациента.

ЖЕНЩИНА. Завтра будет большой консилиум врачей, так что вы приходите завтра. Хорошо? Придёте?

ВИТЯ. Я был в большом недоумении.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Граждане! Пересчитайте все листья на деревьях, и вам станет ясна вся грандиозность замысла мирозданческого!

ВИТЯ. На другой день утром мы снова приехали в эту больницу, снова в Жениной труповозке, с нами были ещё какие-то люди. Помню, как по лестнице шли пациентки – женщины в каких-то почти тюремных робах, было страшно смотреть. Даже сейчас вздрагиваю. Завотделением вызвала меня к себе в кабинет.

ЖЕНЩИНА. Всё-таки там что-то есть, имейте в виду. Ему всё-таки нужно показаться психиатру. Если у вас будут какие-то вопросы, можете мне звонить, вот мой телефон. Домашний.

ВИТЯ. Я, конечно, это никому не стал говорить. Надя и так рыдала бесконечно.

НАДЯ. Это даже смешно.

ВИТЯ. Дима был страшно недоволен, когда мы его оттуда забрали.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Граждане! Я плачу, плачу, и слезы мои в сердца мира проникают!

НАДЯ. По Диме никогда не было понятно, что он чувствует. Бесстрастное лицо. Но ему, конечно, было очень страшно.

ЖЕНЯ. Он, кстати, сказал, что прекрасно провёл ночь в психушке. Там вообще интересно очень, говорит, со мной в палате был сын Павлика Морозова.

ВИТЯ. Сказал, что лежал в палате с Володей Высоцким.

ЖЕНЯ. Короче, он нам такую херню нёс, вместо того, чтобы радоваться, что не загремел на месяц туда.

ВИТЯ. Сказал: тут такой простор для творчества, зря вы забрали меня.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Граждане! Не смотрите на меня так, мне стыдно!

ВИТЯ. Я был в большом недоумении. У меня не было сил, мы шли молча, я был очень злой на него.

НАДЯ. Характерная для Димы история - то, как он спас свою одногруппницу от отчисления из Строгановки. Была такая талантливая девочка из Киева – Люба Хаймович, сейчас она Муравьёва, и живёт в Америке. Она выходила из Строгановки, из мастерской, было поздно, и пьяный сторож сказал: «Ну что, сразу на панель, твоя мамка на панели, и

ты на панель». И она его ударила по лицу и убежала. И на следующий день возле сторожа стоял ректор Быков, взял у неё студенческий и сказал: «Вы больше не студентка, уходите». И ребята, одноклассники, ходили просили за неё, ходили везде, но это было бесполезно, и постепенно все отпали. Остался только Дима. Потому что он был очень упрямый. Продолжал ходить дальше, спокойно, с книжкой, которую читал в очередях и вообще везде. И так он дошёл до газеты «Известия» и до знаменитой журналистки Тэсс. Она написала большую статью «Один в поле воин» - про это всё. Любу восстановили, но на следующий день у Димы забрали студенческий билет и направили на завод. Дима не расстроился, он никогда не расстраивался.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНЫЧ. Где наши саночки-салазки детские - ведь и не припомним уже. Не жизнь порождает радость, но радость порождает жизнь. Чуткость друга, ласка любимой женщины, смех ребенка - это бесценные дары жизни. Лев в дикой страсти единения бросается на лань - но видит только смерть у входа. Кружевная тень, пение птиц, дыхание ветерка - а что мы среди всего этого. Удержите руку разорителя гнезд, и ваше собственное гнездо озарится неким светом дополнительным. Скажем друг другу: я люблю тебя! Кто научил буквы в слова складываться? а слова в песни? а песни в душу нашу проникать и содрогать её восторгом неопишным? Я часто замечаю за вами некую невнимательность к миру мелких существ - это неправильно. Порою грустно мне, ищу я опоры вокруг себя, ищу и найти не могу, и еще тяжелее становится - как быть? Не многое повидали на веку своем, но сердце наше не ожесточилось, и не померк разум наш. Что-то недосказанное в каждой судьбе человеческой. Как прекрасно! Как же все-таки все прекрасно! Честность, все-таки, самое выгодное, в результате. Что, что нас окружает? - но мы ничего и не говорим окончательного. Если вы обидели ребенка, оскорбили родителей, то как вы смеете слушать пение птиц этих чистых. Природа скрывает слезы свои, но они с легкой смутой проникают в душу нашу. Небо сверкает, а вы идете, голову к земле пригнув - очнитесь! Терпите, терпите - ещё немножко - и всё будет в порядке. Собака смотрит на нас глазами умными, кошка ласкается у ног наших - они любят нас. Шторы приспущены, покой разливается: друг наш - квартира милая, как ты мила сердцу нашему истерзанному. Как грудь дышит легко, как глаза чисты, как сердцу спокойно - а лишь год прошел. Имя наше звучит нам со всех сторон. Ребенок смотрит в глаза наши, не ожидая от нас ничего дурного. Не хочу, не хочу отягощать вас заботами своими. Скажем: да! - и протянем руку светлому будущему. У каждого свой час, свои позывные. Чистота глаз и предмет созерцаний для себя образует чистый. Птица присаживается на ветку зеленую и внимательно смотрит на вас - не ошибитесь. Они не ожидали от нас этого. Не ожидайте от меня ничего невозможного, но все естественное вполне в возможностях моих. Дождик пойдет, нарушит наши планы нынешние, а что они - наши планы нынешние? Горько, горько осознавать всю степень неосмысленности нашей. Я предупредил вас, ваше дело поступать по собственному усмотрению. Все, о чём щебечут птахи между собой, и нашему уху предназначается. Поймем самих себя, и другие сами нам раскроются. Окно наше распахнуто в сад чудесный!

ГЕОРГИЙ. По поводу той акции Пригова... Не важно, поняли мы или нет, что хотел сказать художник. Вот ты слушаешь музыку на монгольском или

исландском – и не понимаешь смысл слов, и это неважно. Всё неважно. А звуки красивые, и они рожают чувство. Что ты почувствовал? А что **ты** почувствовал? Может, разные вещи. Сейчас прочитаю стихи... Ну, они не закончены ещё.

Да, и ещё про серьёзное. Власть такая серьёзная-серьёзная, насмерть. А Пригов писал стихи, как он готовит суп. И всё это несерьёзно. Вот у меня был случай - бросила девушка. А ещё случай был – я проиграл турнир. Ну, спортом занимаюсь. И вот лицо распухло... Давайте прочитаю стихи? Итак, ...

Лучше сначала расскажу про свою школу. Такая государственная школа в Лондоне, и она была... Во-первых, форма: белая рубашка, серый пиджак, синие штаны, синий галстук - и ничего другого нельзя. Нельзя даже кольцо. А я купил в Норвегии в музее викингов серебряное кольцо. И вот нельзя. Я снимал его. Но через двадцать минут надевал снова. И так много раз. Каждый день. Через год они перестали обращать внимание на это. Я добавил бусы. Тоже: надел - снял, надел – снял. Важно немножко менять правила. Эссе, например. Тему дают: «преодоление страха» или «самоулучшение». Я пишу про великого героя, который ездит по миру и собирает волшебные предметы, хочет победить колдуна. И они: это слишком креативно, пишите что-то простое. Но в следующий раз я снова пишу эпическое. Кстати, стихи, да... Они не закончены ещё. Это как раз героические стихи.

Вот почему героические – потому что это самое интересное. Например, Один – он жертвовал собой ради знания и мудрости, всё отдавал ради этого. И другими людьми тоже готов был жертвовать. То есть, он не христианский добрый бог - имеет и злую, и добрую сторону, большой эгоист, по большому счёту. Или возьмём эпос нартов. Это Северный Кавказ. Сосруко – главный герой. И его история похожа на историю Прометея, но Сосруко за огонь не наказали.

А на уроках английского было скучно. Тогда я решил сочинить свой язык. Когда ты знаешь несколько - русский, английский, немецкий, французский, польский, немножко арабский, немножко персидский, немножко румынский, немножко голландский и татский... Татский – это один из языков Северного Кавказа, - так вот если ты всё это изучал, то в какой-то момент...

В общем, мой язык называется легем. Словарь включает 4373 слова уже. Сначала начал с фонологии, со звуков. Это человеческий язык – на нём говорят люди, с такими как у нас с вами черепами и языковым аппаратом. Пользы практической никакой, просто мой личный и очень длинный художественный проект, скажем так. На легеме я начал писать стихи и песни. При том, что сам его ещё плохо знаю, только базовый уровень. А чтобы писать стихи, уровень знания языка должен быть очень высокий. Но я беру словарь, грамматику, она в таблицах у меня. Грамматика очень сложная, кстати. Но это удовольствие, как математика. В общем... Это не законченные стихи, они про начало конца, можно сказать. Мир меняется, кому-то нравится, кому-то нет, но изменения бурные.

Надо сказать ещё, что я занимаюсь борьбой. Вольная борьба и тайский бокс. С детства, ещё Дима меня водил на секцию. Ну то есть, дедушка. Я его всегда называл Дима... Так вот, мне понятно это состояние, когда воины взывают к Тору, чтобы получить силу. Ты впадаешь в транс, как, например, берсерк. Как будто ты «в зоне» - так оно называется, это состояние, и каждое твоё движение правильное. Каждое слово. Каждое движение. Правильное. Ты в потоке.

Подстрочный перевод:

На первом дне конца
Тысячу лет после того
Как глаза богов отвернулись
От нашего мира
И души человечества
Отделились от всевышнего
Дебил будет правит как король
Во всех краях
Нашего мира
Люди забудут своё место
Порядок космоса растворится
Древние традиции умрут
И всё, что наш мир
Когда то соединяло,
Из нашего захвата ускользнёт
Но никто не знает
И они не будут знать
До того, как будет слишком поздно
И стена, которая стояла
Между нами и хаосом,
Треснит
На седьмой день конца
Появятся острова из пластика в океанах
И степи привратятся в пустыни
Мужчина и женщина будут ослеплены
Но дети буду видеть
Возле многих народов человечества
Родятся архитекторы будущего
Завязаны предназначением
Волк, Медведь Лев, Кабан Орёл,
Ворон Змей, Черепаха Конь,
Олень Обезьяна, Слон

Карриз меризк акдъярик
Аррузр айкра рэннар оуахле
Ойинео рюлтырио китаёдлонт
Тла сэссий уллерий
Те ласоне ивизунахи
Костахени Аухтэрий
Дысокр ейн заккаан шатъяркю

Тка враририз коннрер
Алаги уллорер
Капланре гваро рултыро рахелнелей
Лаужра таунитарикр песалюнэр
Кожехли архел дйодаркелё
Те тааор рер саннро
Араун унитарёщунт
Астий улёур длирадзун
Зыо хезвере вякюлн
Те рулту кавякулн
Кенриаануожаад
Сожок эк кенреннкен
Те джашанр рер эщере
Дулез те щевриз
Уассиэн
Ка холриз меризк акдъярикр
Амнайриз щикру янзаз утрянюн
Те сяслатр щищиз эдубан
Мож те жинн нафрайныни
Зыо греттря кивюлн
Чка вошлез врярэлиз ивизуунахи
Заанаваккайрос реннайнрэр
Наваюлн Озоолу, сааглиндиаанээр
Оозорик, Гйорга
Фээринр, Лётариинр
Ягалр, Уасинр
Ёрмр, Рянлатра
Ытагроонр, Онлоррик
Каллирик, Джюггарик.

КОНЕЦ